

Изданіе М. И. Водовозовой.

С. ФРАНКЪ.

ТЕОРІЯ ЦѢННОСТИ МАРКСА

и

ЕЯ ЗНАЧЕНІЕ.

КРИТИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ.

„Im Unterschied von anderen Baumeistern, zeichnet die Wissenschaft nicht nur Luftschlösser, sondern führt einzelne wohnliche Stockwerke des Gebäudes auf, bevor sie seinen Grundstein legt“.

K. Marx.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія и Литографія В. А. Тиханова. Садовая, 27.

1900.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

За послѣднее время въ западно-европейской и русской экономической литературѣ одновременно замѣчается отрадный поворотъ: догматическое преклоненіе передъ системой Маркса уступаетъ мѣсто ея критической провѣркѣ и созидательной работѣ ея дальнѣйшаго развитія и дополненія. Это служитъ симптомомъ къ прекращенію того невыносимаго состоянія, въ которомъ еще до сихъ поръ находится экономическая наука. Мы имѣемъ въ сущности не одну, а двѣ экономическія науки—науку „марксистскую“ и науку „буржуазную“, изъ которыхъ каждая говоритъ на совершенно особомъ языкѣ, не прислушиваясь къ мнѣнію другой и считая это мнѣніе въ большей или меньшей степени завѣдомой ложью. Если оставить въ сторонѣ ущербъ, наносимый этимъ состояніемъ той единой наукѣ, которая не знаетъ дѣленія на лагеря и занята только одной задачей—безпристрастнымъ исканіемъ истины, то нужно будетъ признать, что невыгоды такого дѣленія на двѣ непримиримыя научныя партіи отражаются больше всего на партіи марксистской: тогда какъ такъ называемая „буржуазная“ или „оффиціальная“ политическая экономія быстрыми шагами двигалась впередъ и съ каждымъ днемъ завоевывала новые горизонты, наука „марксистская“, несмотря на глубину и

плодотворность ея основныхъ мыслей и талантливость ея представителей, упорно топталась на одномъ мѣстѣ, занимаясь догматическимъ толкованіемъ старыхъ, превратившихся почти въ ходячія фразы, положеній даже тамъ, гдѣ дѣйствительность или научная мысль давно ихъ опередила. Къ счастью, плачевное зрѣлище борьбы за верховную научную гегемонію двухъ ненавидящихъ и презирающихъ другъ друга научныхъ партій отходитъ уже въ область пропалаго: мы присутствуемъ при процессѣ ихъ взаимнаго сближенія, и уже недалеко то время, когда разногласіе соціально-политическихъ міросозерцаній не будетъ выражаться въ обособленномъ существованіи двухъ самостоятельныхъ наукъ.

Для насъ, русскихъ, такая тенденція особенно необходима. Если европейская мысль не сумѣла еще примирить двухъ научныхъ направленій, то она по крайней мѣрѣ знакома съ результатами обоихъ. Иначе обстоитъ дѣло въ Россіи: вплоть до самаго послѣдняго времени вся наша оригинальная литература по теоріи политической экономіи сводилась къ популяризаціи ученія Маркса. Мало того: несмотря на потокъ переводной литературы по всѣмъ отраслямъ общественныхъ наукъ, наводнившій за послѣдніе годы нашъ книжный рынокъ, мы не имѣемъ переводовъ трудовъ лучшихъ современныхъ теоретиковъ-экономистовъ. Все развитіе теоріи политической экономіи за послѣдніе 20—30 лѣтъ прошло незамѣченнымъ для насъ, потому что не укладывалось въ разъ принятую схему теоріи Маркса; ученія Кнуса, Менгера, Бемъ-Баверка, Дже-вонса, Маршалла и многихъ другихъ остались до сихъ поръ китайской грамотой для огромнѣйшей части нашей образованной публики, и если имена эти упоминаются въ нашей журнальной литературѣ, то только для того, чтобы послать по ихъ адресу рѣзкіе упреки въ „отсталости“ и „буржуазности“, — эпитеты, кото-

рые до послѣдняго времени прилагались впрочемъ у насъ ко всѣмъ, кто имѣлъ смѣлость не ограничиваться выраженіемъ своего согласія съ ученіемъ трехъ томовъ „Капитала“, а заниматься самостоятельнымъ изслѣдованіемъ тѣхъ же вопросовъ. Врядъ ли нужно прибавлять, что европейская наука очень мало беспокоилась о нашей русской оцѣнкѣ ея и продолжала быстро подвигаться впередъ по развѣтченному пути. И такъ какъ *la raison finit toujours par avoir raison*, такъ какъ ортодоксальное осужденіе никогда еще не могло задержать развитія и распространенія новыхъ ученій, если въ нихъ содержалось зерно истины — то въ концѣ концовъ не европейской наукѣ, а намъ самимъ придется стыдиться нашей оцѣнки.

Все вышесказанное о теоріи политической экономіи особенно примѣнимо къ теоріи цѣнности и, въ частности, къ трудовой теоріи цѣнности. Нигдѣ не господствуетъ столь сильнаго разногласія, какъ въ оцѣнкѣ этой послѣдней. Одни видятъ въ трудовой теоріи цѣнности въ томъ видѣ, въ какомъ она намъ дана въ системѣ Маркса, логически вполне законченное и матеріально вѣрное во всѣхъ отношеніяхъ ученіе и считаютъ ее краеугольнымъ камнемъ всего научнаго анализа современнаго экономическаго строя, другіе склонны смотрѣть на нее, какъ на неудачную гипотезу, давно опровергнутую и сданную въ архивъ научныхъ заблужденій, гдѣ ей въ будущемъ предстоитъ занять мѣсто рядомъ съ теоріей флогистона и Птолемеевой системой мірозданія. Невѣрность этихъ крайнихъ мнѣній начинаетъ теперь обнаруживаться уже довольно ясно. Теорія, созданная величайшими умами въ области экономической науки — начиная съ Петти и Адама Смита и кончая наиболѣе выдающимися „утопистами“, вродѣ Томпсона, Оуэна и Прудона, и наконецъ Марксомъ и Родбертусомъ — такая теорія самой своей живучестью обнаруживаетъ, по крайней мѣрѣ до извѣстной степени, и свою жизнеспособность: въ

экономических явлений должно лежать что-либо, что служить поводом и исходным пунктом этой теории и без чего она превратилась бы в историческую случайность, — что совершенно недопустимо для такого широкого и долговечного течения. Столь же неверно, однако, и ортодоксальное убеждение в полной законченности и правильности трудовой теории ценности: ему противоречит уже самый факт непрерывного спора о ее значении, свидетельствующий, что в современной формулировке ее не все обстоит благополучно; и если каждая из спорящих сторон непрерывно объясняет разногласие мнѣний сознательной или бессознательной недобросовѣстностью противной стороны, нежеланием ее вдуматься в изслѣдуемый вопрос, то это объяснение — независимо от того, насколько оно верно или уместно само по себе — доказывает какъ разъ то, что собиралось опровергнуть, именно, что вопросъ еще не настолько выясненъ, чтобы сдѣлать подобныя *qui pro quo* невозможными.

И въ этомъ отношеніи послѣднее время значительно улучшило положеніе дѣла. Въ нашей литературѣ постепенно начинаетъ завоевывать себѣ мѣсто сознаніе, что теорія ценности Маркса не можетъ считаться окончательнымъ и во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворительнымъ разрѣшеніемъ проблемы ценности и что она нуждается въ основательныхъ поправкахъ и дополненіяхъ. Попытки такого исправленія имѣются у насъ уже въ изобиліи, но большинство ихъ страдаетъ однимъ недостаткомъ: онѣ сознательно отказываются пользоваться результатами научной разработки этого вопроса, выполненной противниками теории Маркса, и потому сводятся къ частичнымъ, мелочнымъ дополненіямъ, опирающимся главнымъ образомъ на другія мысли Маркса или части его системы. Это стремленіе дополнить Маркса Марксомъ же есть послѣднее усиліе догматизма спасти себя самого, ставши догматизмомъ кри-

тическимъ. Въ противоположность этой тенденціи мы имѣемъ смѣлость утверждать, что критическая разработка теоріи цѣнности Маркса—какъ и всѣхъ остальныхъ его теорій—можетъ и должна заключаться въ исправленіи и углубленіи ея на почвѣ тѣхъ данныхъ, которыя были добыты новѣйшимъ развитіемъ западно-европейской теоретической экономіи, и попытку подобной критической оцѣнки теоріи Маркса и представляетъ собою предлагаемый этюдъ. Мы старались въ немъ показать, въ какомъ отношеніи теорія цѣнности Маркса должна быть признана неправильной и при какомъ значеніи она сохраняетъ научную цѣнность. Мы старались далѣе показать, что это послѣднее, единственно истинное, значеніе трудовой теоріи цѣнности можетъ быть обнаружено только путемъ органическаго ея соединенія съ другой теоріей цѣнности, такъ называемой теоріей субъективной цѣнности или предѣльной полезности, и что такое соединеніе двухъ повидимому противорѣчащихъ другъ другу теорій служить на пользу ихъ обѣихъ и открываетъ нѣкоторыя новыя плодотворныя точки зрѣнія въ теоріи цѣнности и распредѣленія.

Среди лицъ, дорожащихъ экономическимъ міросозерцаніемъ, связаннымъ съ системой Маркса, быть можетъ, возникнутъ опасенія, какъ бы критическая провѣрка одной изъ теоретическихъ основъ этого міросозерцанія не повредила его жизнеспособности. Но не говоря о томъ, что передъ такимъ соображеніемъ никогда не можетъ останавливаться научная мысль и что міросозерцаніе, такъ легко могущее быть поколебленнымъ, *заслуживало* бы разрушенія, въ примѣненіи къ данному случаю это опасеніе совершенно неосновательно. Общественныя идеи автора „Капитала“ не были имъ созданы: они существовали и до него, такъ какъ коренятся въ самихъ условіяхъ современной соціальной жизни, и жизнеспособность ихъ держится не на той или иной теоріи, а на соціальныхъ чувствахъ

и интересахъ. Великое вѣковое теченіе европейской мысли стоитъ выше мнѣній, быть можетъ, величайшаго и гениальнѣйшаго, но все же лишь одного изъ его представителей и не можетъ потерпѣть ущерба отъ критики этихъ мнѣній, которыя служатъ лишь однимъ изъ этаповъ по пути его научнаго освѣщенія.

Но и сама система Маркса не можетъ быть разрушена критикой отдѣльныхъ ея положеній. Подобно всѣмъ твореніямъ великихъ умовъ, она обладаетъ значеніемъ, которое не исчерпывается значеніемъ всѣхъ входящихъ въ нее положеній, и потому не падаетъ вмѣстѣ съ ними. Эти положенія являются до извѣстной степени лишь случайной формой, въ которую вылилась система, и всѣ ихъ измѣненія, дополненія и исправленія такъ же мало вредятъ жизненности общаго духа системы, какъ мало вредитъ ремонтъ отдѣльныхъ частей зданія его прочности и красотѣ, разъ только оно стоитъ на твердомъ фундаментѣ и разъ сохраняется неприкосновеннымъ единство заложенной въ немъ архитектурной идеи. Поэтому и въ примѣненіи къ системѣ Маркса сохраняютъ силу тѣ слова Вольтера, которыя Шопенгауеръ поставилъ во главѣ своей критики системы Канта:

«C'est le privilège d'un vrai génie, et surtout d'un génie qui ouvre une carrière, de faire impunément de grandes fautes».

ГЛАВА I.

Теорія мѣнливой цѣнности Маркса.

I. Что такое «мѣнливая цѣнность»?—II. Постановка задачи теоріи мѣнливой цѣнности у Маркса.—III. Трудовая теорія цѣнности и цѣнность «рѣдкихъ благъ».—IV. Трудовая теорія цѣнности и рыночныя цѣны.—V. Трудовая теорія цѣнности и «среднія цѣны».—VI. Теорія издержекъ производства.—VII. Трудовая теорія цѣнности и цѣнность труда.—VIII. Теорія «общественно-необходимаго труда».—IX. Заключение.

I.

Всякая теорія можетъ быть успѣшна только въ томъ случаѣ, если ей предшествуетъ болѣе или менѣе точное опредѣленіе явленія, служащаго объектомъ ея изученія. Изученіе какой-нибудь спеціальной группы явленій возможно вообще только тогда, когда эта группа твердо опредѣленными логическими границами отдѣлена отъ остального міра явленій. Это элементарное логическое правило нерѣдко упускается изъ виду, чѣмъ и объясняется бесплодность многихъ споровъ: спорящія стороны часто не замѣчаютъ, что каждая изъ нихъ обсуждаетъ совершенно самостоятельный вопросъ; каждая изъ нихъ можетъ быть вполне права въ своемъ утвержденіи, и однако споръ можетъ продолжаться безконечно, не приведя ни къ какимъ результатамъ именно потому, что эта двойственность объекта обсуждения остается незамѣченной, такъ что одна сторона относитъ утвержденіе другой къ совѣмъ иному роду явленій, чѣмъ эта послѣдняя, и *vice versa*. То же логи-